

Ирина К. ШИННИН

Ночной снег

В темном небосводе
При свете фонарей
Снежинки-мотыльки
Кружатся все быстрее

Только ветер сильный
Несет куда-то прочь
Хрупкие снежинки
В таинственную ночь

А мороз рисует
На стекле узоры
И уходит с ветром
В снежные просторы

Мотыльки умчались
Наутро, ветер сник.
И туман спустился -
Растаял сказки лик

Надежда ТОПТЫГИНА

Серебряный лес

Лес стоит серебряный -
Весь звенит!
День сегодня ветреный -
Серебро летит!

Не собрать и пригоршню -
Таит на лету!
У зимы я выпрошу
К ней в чертог воиду

Одари брильянтами
Жемчугом осыпь
Платье в рюшках с бантами
Повели пошить

Ожерелье светлое
И платье подбери.
Словно мне заветное
Лучше подари

Я хочу в том платьице
В ночь под Новый год
Милому понравиться -
Вот в чем мой приход

Улыбнулась Зимушка
И сказала вдруг
- Вас и так, Аринушка,
Любит милый друг

Но подарок этот
От меня возьми
В нем лежат секреты
Девичьей любви

В нем и платье чудное,
Украшений блеск
Так сказала мудрая
И шагнула в лес

Александр ГАХОВ

Ночью снега выпало много...
Знать, по утрам тяжелый путь...
Ляжет скатертью белой дорога...
Та с которой нельзя свернуть...
Будет трость из рук вырываться...
Выгибая хребет худой...
И поэмка по следу мчаться...
И играть на струне одной...
Пропадет под снегом дорога...
Не нащупать ее ногой...
В чистом поле сугробов много...
Успокоить может любой...
Вот и след в один что правее...
Забредя, как в большой огонь...
Жалко только, совсем не греет...
Ледяная его ладонь...
Буду я из сил выбиваться...
Гнуть свое, сквозь него -

Будет снег надо мной смеяться...
И струиться за воротник...
Жизнь прекрасна...
или напрасна?
Философствую, чуть дыша...
Да и так до предела ясно...
Силы нет - лишь одна душа...
Я дойду - мне нельзя иначе...
Постучусь, присев на порог...
Ты увидев меня, заплачешь...
Значит есть - тихо скажешь...

Снова снег белым саваном...
поле покроет...
Заметет, что следов не найти...
Было лето вчера - а сегодня...
как греки на Троию...
Навалилась зима и коня...
привела под уздцы...
И в такую погоду никак...
не сидится мне дома...
Видно, время такое сродни...
И бреду я один...

по тропинке знакомой...
Сунув руки в карманы...
и чуть приподняв воротник...
И приходит печаль, что тайтся...
у самого сердца...
Отголоски былого, которые...
больше не жгут...
И приходит пора, золотая пора...
оглядеться...
И на время придумать...
что где то и любят, и ждуть...

Хлопья снега, как дым...
закрутила зима...
Затапив свою печь ледяную...
и эти дома...
В снежной замяти...
словно танцуют...

Заметила метелью окон витражи...
Стал день будничным...
празднично светел...
Ветер песни поет...
для заблудшей души...
Что сорвало с несмазанных...
петель...

Незнакомкою Блока...
в вуали снегов...
Гостья робко входила...
стесняясь...

И гнусавил сквозняк...
забулдыгой-дьячком...
Перекрестьем окна освещая...

И ласкала ладоней живая вода...
Ночь на окнах цветы рисовала...
И в рождественском...
небе высокою звезда...
Все земные грехи отпускала...

Юрий ШУККИН

Житейские истории

Он был по-мужски угловат и широкоплеч...
фигуры веяло основательностью...
Она со своей точеной, хрупкой фигуркой была прямой...
противоположностью ему...

Подруги уже обжегшиеся на постылой повседневности бытия шептали ей...
- Куда ты суешься, дурочка? Ведь сгоришь сгоришь ни за грош!

Но она не слушала их, а только все ближе и ближе склоняла к нему свою аккуратную темную головку...
И сгорела...

Ничего удивительного. Жизнь есть жизнь. Ведь он был простым Коробком, а она обыкновенной Спичкой...

Он был силен, с упругим, гибким телом. Без него существование для нее теряло всякий смысл, и она обреченно сникала...
Зато находясь рядом, она обретала настоящую опору и просто звенела от счастья. Поэтому даже в дальнюю дорогу он брал ее с собой.

Но однажды она не выдержала. Что-то в ней надорвалось...

В очередную поездку он отправился с другой. Ничего удивительного. Жизнь есть жизнь. Ведь он был простым Луком, а она - обыкновенной Тетивой...

Уважаемые читатели! Мы открываем новую рубрику «Палитра муз», в которой собираемся рассказывать о поэтах, художниках, музыкантах, мастерах прикладного искусства. Мы познакомим вас с их творчеством и планами. Сегодня у нас в гостях - литераторы из «Созвездия Водолей».

Имя Александра ГАХОВА, возможно, уже известно Вам, дорогой читатель: он печатался в журналах «Запад России» «Мой город Черняховск», в газете «Полюс + TV» и в другой периодике. Его стихи отличаются ясностью слога и зрелостью мысли, печалью «многочисленной» и выстраданный оптимизм. Помните вот это?

Жизнь состоит из перемен
Как из полосок черно-белых,
Любови, детей, семейных сцен,
А в общем-то - из бытия в целом

Или это

- Случайно ничего не происходит -
Есть тайный смысл законов бытия.
Написано - кто ищет - тот находит.
И кто стучит - тому и отворяют.

И, вероятно, неслучайно его стихотворения были замечены не только в «наших широтах» - некоторые из них уже появились во всероссийском альманахе «День Поэзии - 2000». С прозой А. Гахова - лаконичной по стилю, без притязаний на внешний эффект - Вы можете познакомиться на страницах журнала «Мой город», где публикуется его повесть «Легионер». Здесь же, в нашей литературной рубрике, мы помещаем, наряду со стихами, маленькие новеллы. Их автор обладает особой зоркостью - зоркостью внутренней - он умеет показать обыденное, привычное в новом ракурсе и увидеть необычное, драгоценное в обычном.

Графика Галины КАШТАНОВОЙ-ЕРОФЕЕВОЙ

Александр ГАХОВ

Рождественское гадание

Когда они вышли из клуба, в котором была дискотека, над городом уже висело звездное ночное небо. Насколько хватало глаз, оно все было усыяно ими. Большие и маленькие, они весело им подмигивали и переливались, как недавно выпавший снежок в свете редких неоновых фонарей. Это была ночь под Рождество, ничем не уступающая той, которую описал Николай Васильевич бесшумным своим пером. Эта ночь подхватила их с крыльца и нежно обняв незримой рукой за плечи, повлекла по ночным улицам, заполненным густыми тенями и волшебным мерцающим

серебристым светом. Подружкам было лет по пятнадцать-шестнадцать, и всю дорогу до дома они оживленно делились впечатлениями. Учились они в одном классе, в одной школе, и даже жили в одном доме. Большие глаза, носики-курносики, озорные челки - одним словом, молодость. Возле дома они начали дурачиться. Бросали друг в друга снежки, которые рассыпались на лету.

Прекрасное время - молодость. Куда ты уходишь, исчезаешь, как туман на ветру? Утро жизни еще ничем не омраченое, полное свежести и игры красок. Счастливое, беззаботное время. Время. Никто из нас не ощущает его бега, думая, что в руках - неразменная монета. Но дни бегут, складыва-

ясь и складываясь в поток годов. И вот наступает пора, когда мы глядя на молодых борюмодем себе под нос, что и сами когда-то тоже были рысаками. Молодость всегда прекрасна. И пусть подружки играют в снежки - когда они еще так подурачатся? Лови счастливое мгновение - молодость. Одна из подружек в шубке обсыпанной снежной пылью, больше похожая на снегурку с выбившимися светлыми волосами-локнами из-под шапочки звонко кричит:

- Девчонки! Какая ночь - расхотится не хочется! Сегодня ведь Рождество. Можно гадать.

Помните, как у Пушкина? «Как-то в ночь под Рождество девушки гадали, снявши туфельку с ноги, за забор бросали...»

Подружки задорно смеются. - А что, девчонки? Поидемте ко мне. Родители против не будут.

Через полчаса они уже пьют горячий кофе. Потом гадают на кофейной гуще. Фантазии у девчонок хватало, и они такие плетут друг дружке, показывая на рисунки оставленные кофе. Родители не мешают им - сами когда-то были молодыми. Потом раскладывают карточный пасьянс, но с картами получается хуже. Тут надо знать, что означает карта, как легла и что означают все вместе в сочетании друг с другом. Но и здесь девчонки не скупятся на обе-

щания. Суля друг дружке золотые горы. А сбудется или нет - разберутся потом. Обещанного три года ждут. Да и вся жизнь впереди. Но говорят, в Рождественскую ночь из загаданного многое сбывается.

Под занавес девчонки решают погадать на женихов. Молодая хозяйка приносит аккуратно нарезанные квадратики чистой бумаги. Каждая из подружек набирает по двенадцать чистых листочков, где и будут записаны имена. Почему двенадцать - никто из них не знает. Но делается предположение, что по числу месяцев в году. Закрывшись друг от дру-

га, пишут имена и написав, сворачивают маленькие трубочки. И для большей достоверности гадания меняются ими. Перед сном каждая из девчонок положит эти трубочки себе под подушку.

Проснувшись утром, еще сонная, одна из них вытаскивает из-под подушки заветную трубочку - первую, которая попала под руку - медленно разворачивает и читает: «Ваня Абрам ибн Хоттабыч». Она выпускает бумажку из рук и начинает громко смеяться. Она понимает, что подружки над ней подшутили. Но на них она не в обиде. Она тоже написала им такие имена, что они слышать не слыхивали.

Счастливые мгновения молодости. За окном - утро, а впереди - целая жизнь.

ПЕРВЫЙ ЗАМОРОЗОК

Первый заморозок утром
В лужах вяжет кружева.
Тонким слоем перламутра
Иней красит деревья.

Тополя стоят нагие -
Отгорел листвы костер.
Ветер мускулы тугие
Напрягает, как боксер.

Вяз, похожий на березу,
Машет веткой серебра.
В гости к дедушке Морозу
В лес умчалась детвора.

Гроздь огненной калины
Полыхают там и тут.
Солнца полные корзины
Нынче дети принесут.

Поединок Мороза с рекой

В предзимний полдень
Выпал снег.
Крупкою белой-белой
Мороз-юнец пошел в разбег.
Как только свечерело.

В сапожках, в красном кушаке,
От стужи индевея,
В ночи торопится к реке,
Чтобы сразиться с нею.

Снежок рассыпчатый, как рис,
Ногами в спешке месит.
Сосулькой согнутой повис
Над полем брани месяца.

Он знал и видел с высоты
Юнца еще с пеленок:
- Не рано ли явился ты?
Ведь нет еще силенок.

Но грохнул посохом Мороз
В победу твердо веря,
А утром дождь пошел всерьез.

И плакали деревья
Густая дымка вдалеке
Повисла на берегах,
А вниз по Инстручу-реке
Плыл, словно льдинка, посох.

Попала молодость впросак,
Барьер свой не осилив,
Прибило к берегу кушак
И сапоги.
Что снег месили.

Почти что штиль

Январский полдень
Хлопья снега
Летят зигзагами с небес
Почти что штиль...
И я с разбега
На лыжах вклиниваюсь в лес.

И стелет просека сквозная
Под ноги будто вату мне
Куда бегу -
И сам не знаю -
По этой пышной белизне.

Но мысль опять
В виски стучится
И на родной влечет завод.
А мне бы надо
Отключиться
От всех волнений и забот.

От всякой нудной канители,
От всех вопросов деловых,
Как эти
В белых шапках ели
И сосны в шубах снеговых.

Нырять смело
В день метельный -
И там, на дальнем рубеже,
Слетает стрессов
Груз недельный
И вновь спокойно на душе.

Ведущие рубрики:
Галина
Каштанова-Ерофеева,
Игорь Ерофеев

У КАМЕЛЬКА

Однажды декабрьским вечером, перебирая пожелтевшие от времени бумажки с миниатюрными эссе, которые долгое время у меня хранились в столе, я обронил один из листков. Я поднял его - это была миниатюрка о цветке, распускающемся в зимние холода, написанная лет так «дцать» назад. Было в ней что-то светлое, наивно трогательное. Смысловая постановка слов желала лучшего, и я, отложив листок в сторону, решил перепечатать миниатюрку.

Лучше или хуже мы становимся со временем - вопрос философский. Но то что становится другими, - как аксиому доказывать не надо. Сколько я потом пытался отыскать то единственное слово, тот золотой ключик от волшебной двери, которая ввела бы меня в состояние духа, витающее в миниатюрке. Бросив никчемные попытки, я подошел к окну. За-

ходящее солнце было похоже на кусок металла, вытасненный из горна и теперь остывающий. С каждой минутой его малиновое свечение густело, приобретая тягучий вишневый оттенок. Когда диск спрятался за горизонт над тем местом, еще некоторое время висело зарево, но и оно, вскоре орав, померкло, как уголи прогоревшего костра, подернувшись пеплом.

Короткий зимний день догорел. Морозило. В чистое озерцо заиндевшеего стекла я наблюдал, как быстро сгущаются сумерки. Там, в этом застывшем серебристом мареве, была какая-то пронзительно сквозящая пустота. Рука невольно легла на теплую батарею парового отопления, и почему-то с грустью подумалось, как хорошо было бы в такое время года в такой вечер, сидеть у небольшого каминчика или очага, положив уставшие ноги на решетку, и под музыку ши-

пящих, потрескивающих дров, ни о чем не думая, наблюдать за игрой пламени, к которому от сотворения мира бессознательно влечется человек. Возможно, в его дрожащих языках скрыт некий потаенный смысл, а в дыме - память того, что сгорело. Не этим ли объясняется то, почему так заворожено мы смотрим на огонь? Будь то огонь звездный, или огонь очага, жилище наше согревающий, или колеблющийся на фитильке лампы, жилище освещающий. Мы бы прыгали в него и сгорали, будь неразумными, как мотыльки и бабочки.

Мои ладони ощущали тепло батареи, но почему-то подумалось, что живой огонь ближе и роднее. Сидеть бы в такой вечер у очага, чувствовать исходящее от него уютно-сонное тепло. Запомнить этот миг. И когда-нибудь написать свое «у камелька», так, чтобы читающий чувствовал его и отогревался душой...